

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ СТРАТИГРАФИИ,
ПАЛЕОНТОЛОГИИ
И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ**

**(посвящается 100-летию со дня рождения
профессора Г. Я. Крымгольца)**

Ответственный редактор *В. А. Прозоровский*

Санкт-Петербург
2007

ВОСПОМИНАНИЯ¹

Г. Я. Крымгольц

Воспоминания теснятся в душе моей.
А. Франс. Преступление Сильвестра Бонера.

Зачем? (Вместо предисловия)

Зачем, для чего, для кого предназначены эти заметы? Их отнюдь (нельзя. – *В. П.*) называть мемуарами. Мемуары – это один из любимых мною видов литературных произведений. Хотя они, конечно, разнообразны. Среди них, например, имеют место и в последнее время многочисленны мемуарные произведения военных руководителей высокого ранга времен Второй Отечественной (войны. – *В. П.*). Они в основном содержат воспоминания, уточнения, объяснения к их деятельности, решениям и поступкам. Они, в большинстве, представляют интерес для ограниченного круга читателей. Значительно важнее, как мне представляется, воспоминания «гражданских лиц». Чаще всего это деятели науки, искусства, политики, известные своими «персональными достижениями», а порой просто «бытописатели». Ценность этих воспоминаний определяется умением автора правильно (адекватно) и литературным языком описать события, отразить современное им общество, его интересы и достижения. А также становление автора.

То, что пишу далее я – это записки для себя, сугубо личные впечатления, воспоминания, не связанные полностью хронологией событий и совсем не касающиеся моей деятельности как в науке, так и в преподавании.

Когда?

Где, при каких обстоятельствах, окончательно решил я попытаться записать свои воспоминания, могу сказать совершенно точно. Это было в 5 утра 9 марта 1994 г., когда в полусне обдумывал настоятельные обращения Г. М. Гатаулиной (давней сотрудницы и большого патриота нашего небольшого коллектива) написать историю кафедры исторической геологии Санкт-Петербургского университета. С этой кафедрой я связан со студенческих лет, т. е. до ее формального обособления (в качестве самостоятельной в составе геолого-почвенно-географического факультета она выделилась из объединенной кафедры Геологии в 1934 г. и просуществовала 70 лет, объединившись затем с кафедрой общей геологии под названием «Динамической и исторической геологии». – *В. П.*). Однако такая работа потребовала бы привлечения многих материалов и большого времени, которым я не располагал. Постепенно первоначальная идея трансформировалась в мысль написать как воспоминания, не ограничивая себя во времени и не связывая с конкретной целью.

При осуществлении поставленной задачи одним из затруднений, как всегда, для меня является мой отвратительный почерк. Даже если особенно стараюсь и пишу медленно, не только другие, но порою и я сам с трудом его разбираю.

В связи с этим позволю себе небольшое отступление, уже в плане воспоминаний. Помню великолепный, четкий, крупный, красивый почерк геолога Геологического комитета Бориса Федоровича Мефферта. Наборщики в типографии предпочитали его рукописи машинописному тексту.

¹ Текст приведен в авторской редакции.

И другое. Был один человек – машинистка в ЦНИГРИ – Институте геологической карты по фамилии Мартьянова (И. О. позабыл), которая лучше, чем я сам, разбирала при перепечатке мои рукописи (!). (Она погибла в начале войны при рытье окопов под городом. Как рассказывали мне сослуживцы после возвращения из эвакуации, ей оторвало голову. Ужас!)

Вот так цепляется в воспоминаниях одна мысль за другую.

Семья, родичи

В семье Доры Григорьевны и Якова Владимировича Крымгольц² я был единственным ребенком. Родился я, как рассказывали, в воскресенье, в 7 часов вечера, 7 января («старого стиля», как тогда говорили) 1907 г., т. е. 20 января по современному календарю. На 4-й день был прооперирован по поводу воспаления среднего уха. Операция была сделана в так называемой Немецкой больнице г. Симферополя. Позднее мне показывали это здание в Новом городе (т. е. за Салгиром) в очень тихой улице, которая называлась Липовой. Как и когда мои родители встретились, познакомились и женились, – я не знаю. Таких разговоров на моей памяти не было.

Отец моей матери являлся владельцем маленького табачного магазина на Салгирной улице. Первоначально («девичья») фамилия матери – Виторгон. Было у нее три брата: Моисей, Михаил и младший – Константин. Каждый из братьев шел своим путем. Только с одним из них (Михаилом) довелось мне жить вместе после смерти моего отца. Деда моего по матери я знал только по фотографии – он умер (рак) через 4 дня после моего рождения. Назвали меня в его честь (как это принято), хотя первоначально намечали дать мне распространенное в те годы (как известно, на имена бывают «моды») имя Виктор. Как рассказывали, домработница громко объявила во дворе: «барышня сына родила».

Знаю, что до замужества моя мать один год училась в Женеве. Это было тогда распространено. Поэтому она прилично знала французский язык. Вернувшись, она несколько лет преподавала (французский язык или всю программу?) до моего рождения в Еврейской школе в Симферополе. Затем все время занималась нашим небольшим домом (семьей). Только в трудные годы частой смены властей в Крыму работала заведующей хозяйством в детском доме.

Моя мать умерла в 1944 г. в эвакуации, в Поволжье.

Бабушка моя по материнской линии – Елизавета Моисеевна Виторгон, умерла в начале 30-х годов. Кроме долголетия, она отличалась спокойным характером и привлекательной внешностью. Как рассказывали, в молодые годы даже заняла первое место на конкурсе красоты в Одессе. Жила она вместе с сыном Михаилом (домашние звали его Медей), а с начала 20-х годов поселилась вместе с нашей семьей.

После смерти моего отца М. (Михаил. – В. П.) стал главой семьи, и на мне сказалось его влияние. Он преподавал математику и с любовью и интересом относился к своему делу. В молодости был студентом Московского университета, из которого был отчислен за участие в «беспорядках». После окончания Казанского университета в 20-е годы являлся председателем Обкома профсоюза Крыма. Эвакуирован во время ВОВ вместе с моей матерью в Поволжье. По окончании войны переехал в Ленинград, где преподавал в военном училище. Умер в 1948 г. (инфаркт).

Младший из братьев – Константин (Котя) жил в Одессе, был театральным деятелем, играл на сцене и в кино, но главным образом был организатором (антрепренером). Во

² Фамилия (моя. – В. П.) вряд ли связана с Крымом. Полагаю, что А. Н. Криштофович правильно объясняет ее как искаженное Крумхольц, т. е. кривая, изогнутая древесина (Holz, а не Baum). Живо представляю одного из предков, его сутулую фигуру с руками, сцепленными за спиной. О таких говорят: «После выгодной сделки».

время гражданской войны уехал из Одессы за рубеж, полагая, как и многие другие, скорый крах советской власти. Так и остался в Париже. В 70-е годы приезжал как экскурсант в Москву и Ленинград, навестил наш дом. В театральных кругах известен под сценической фамилией Константинов. Отличался высоким ростом. В детстве я видел его в Симферополе во время гастролей вместе с Верой Холодной и Руничем.

Также мало знаю я и о семье отца. Родители его жили в Генчешке. Отец (мой дед по отцу) владел небольшой лавочкой, и семья его бедствовала. Было у них 18 (!) детей, выжило пятеро. Большинство из них воспитывались в доме бездетного брата неизвестного мне деда и жили в Симферополе. Старший брат отца – Петр Владимирович – был военным врачом; в конце первой мировой войны с Германией женился в Боровичах на русской, для чего должен был принять православие³. Это отдалило его от остальных членов семьи. Помню его по фотографии в военной форме и с шашкой на боку.

Три сестры отца, т. е. мои тетки: старшая в семье – Анна (в замужестве Калужская), средняя – Фаина (Феня) и младшая – Любовь (в замужестве Нахжин). Фамилия тети Фени – Бурштейн. О нем (вероятно, о ее муже (?). – В. П.) говорили, что сердце у него было на правой стороне⁴, а рука при сильном взмахе отделялась от сустава – ее надо было вправлять. Это не мешало ему работать на приемном пункте по заготовке зерна, переносить пятипудовые мешки.

У тети Ани было две дочери с библейскими именами – Ревекка и Ева – и сын Абрам. У двух других теток – по одному сыну. Мой двоюродный брат Абрам погиб по собственной неосторожности. При «белых» из опасения погромов организовывались молодежные группы самообороны. Являясь членом одной из них, он неумело чистил винтовку и погиб от нечаянного выстрела.

Образование моего отца ограничивалось четырехклассным училищем, после которого он начал работать «мальчиком» (курьером) в Симферопольском отделении Азовско-Донского коммерческого банка. К началу первой мировой войны (1914 г.) являлся уже заведующим отдела учета векселей этого банка. Затем профиль его работы изменился. Буквально через 2–3 дня по окончательному установлению в Крыму советской власти (1922 г.) явился в наш дом солдат с винтовкой и вызовом отца, что, конечно, всех перепугало. Выяснилось, что пригласили его работать в Обпродкоме (Областной продовольственный комитет), где он трудился несколько лет. При скорой реорганизации властных структур отец перешел на работу в Крымсоюз – Союз потребительских обществ, где являлся заведующим отдела заготовок. Работа эта была связана с частыми и длительными разъездами настолько, что он не мог присутствовать даже на свадьбе младшей сестры, и на семейной фотографии его изображение было вмонтировано, как вставка, в свободном углу.

Характер его отражает и обстоятельство его смерти. Он был командирован в Севастополь, где пришлось заночевать. Спутник его пошел к знакомым и пригласил отца с собой. Последний из скромности и стеснительности, не желая затруднять людей, отказался и улегся на канцелярском столе, где, как потом выяснилось, ранее спал снотозный человек. Естественно – заболевание. Итог – смерть молодым, по меркам даже того времени, в 38 лет⁵. Обучаясь в Ленинградском университете, я получал от Крымсоюза хозяйственную стипендию – 19 рублей в месяц.

³ Напоминает мне этим Я. С. Эдельштейна.

⁴ Еще одну аномалию мне довелось наблюдать в детстве. Мой сверстник Ясик Тербило спал с открытыми глазами и чем глубже был сон, тем шире открывались глаза.

⁵ Попутно об «эфирных связях родственных душ»: отмечу, что я отчетливо почувствовал беспокойство во время смерти отца. Хотя в это время гулял с друзьями довольно далеко от дома, за городским садом на противоположном берегу Салгира. Прибежал домой... было поздно.

Семья, в которой воспитывался мой отец, то есть его тетья и дядя (я их называл также), была религиозной, как и большинство еврейских семей того поколения. (В нашей семье никаких религиозных элементов не осталось.) У них строго соблюдались праздники, сопровождавшиеся ритуальными действиями. Кое-что сохранилось в памяти до сих пор, хотя я не могу сказать о существовании этих праздников. Так, осенью во дворе, рядом с домом сооружалась легкая беседка, в которой осуществлялся прием пищи. Весною был праздник, когда глава семьи восседал на подушках, под которые прятался ключ, а самый младший (таковым был я) должен был подкрасться, вытащить и утащить этот ключ. Что этим символизировалось – не помню. Блюда, подававшиеся к столу, имели определенный смысл. Так, горькая закуска (что именно – забыл) олицетворяла трудности на путях из Египта в Землю Обетованную. Быть может это пасхальные дни, когда по этой причине хлеб заменялся мацой, иначе называемой опресненками.

Следует сказать, чем занимался дед. Он ездил по крестьянским селениям Северного Крыма и Таврии и скупал рядно – редкую ткань, которая готовилась вручную и использовалась для упаковки табачных листьев.

Таковы краткие сведения, основанные на личных воспоминаниях о «кровных родственниках». Они касаются ранних лет моей жизни и, как мне представляется, в известной степени сказались на моем жизненном пути, на формировании характера: спокойствию, уважении к окружающим, особенно к старшим, в частности, в отсутствии стремления выделяться, некоторой замкнутости.

Несколько слов о семье жены – Валентины Ипатьевны. Отец – Ипатий Данилович (Ступников. – *В. П.*), из донских казаков, за участие в политической деятельности был выслан в Вологодскую область, город Вельск, где и женился на Серафиме Васильевне Стюжук. По специальности механик. Любознатель, деятелен, работал по найму, затем (когда переехал из Вельска в Крым) шофером по перевозу курортников на южный берег Крыма. Погиб в 30-е годы: работал над оборонным изобретением и якобы взял домой секретные документы. (Изобретение его касалось управления дирижаблями.) Оба его сына – Владимир и Леонид – погибли в те же годы по пустячным поводам. Старший, Владимир, якобы управляя машиной, наехал на воловью упряжку. Леонид по специальности (семейной) был шофером в Скорой помощи. Затем возил какого-то видного местного Деятеля. По указанию последнего, обгоняя, «запылил» машину Калинина на Южном берегу Крыма.

Из раннего детства

Ранним детством я назову дошкольные годы, о которых в моей памяти сохранились лишь немногие разрозненные конкретные воспоминания, отдельные эпизоды. Этот личный рубеж (окончание «раннего детства». – *В. П.*) – поступление в Симферопольское реальное училище, по времени совпал с началом крупнейших преобразований в стране и в обществе – первой мировой войной и революционными событиями 1917–1918 гг.

Ни то, ни другое не сказалось, однако, в моем представлении, сколько-нибудь на жизни нашей семьи, нашего дома. Причиной этого явилось, полагаю, то, что никто из членов нашей семьи не был мобилизован, ни репрессирован. Лишь при смене властей, а это имело место в Крыму неоднократно, возникали опасения погромов, и на ночь мы переселялись из центра города на окраину, где жили наши родственники.

Однако, правда, была сделана попытка ограбления, но бандиты быстро ретировались, увидев в соседней комнате возвращавшихся из «похода на Варшаву» (вероятно, бойцов Красной армии в 1920 г.(?). – *В. П.*) Я, однако, проспал этот эпизод.

Раннее детство запомнилось как время мелких, но важных перемен в окружающем мире. Так, керосиновые лампы сменились электрическим освещением, водопровод

заменял водовоза, на улице появился трамвай. На брюках перестают быть обязательными обшлага, а на редких легковых автомобилях – подножки. В доме на короткое время появился телефон (наш номер был 94). Он исчез внезапно и быстро, как и появился, так как звонить было некому и незачем.

Помню, как я очень сожалел об исчезновении зеленой бочки, регулярно появлявшейся во дворе, ибо, скажу по секрету, моей заветной мечтой было стать водовозом, чтобы «кататься», управляя лошадьёю и с высоты поглядывая на окружающих.

Каковы же мои самые ранние личные (а не по рассказам) воспоминания? Пожалуй, первым из них был самовольный переход от дома бабушки к себе домой. Жили мы в это время на углу Пушкинской улицы и улицы Александра Невского, т. е. в самом центре города. По Пушкинской улице это был первый дом по ее правой стороне, а по Александроневской (так выговаривалось) первый по четной, левой стороне. Бабушка жила тогда со своим старшим сыном близ восточного (верхнего) конца городского парка (по местному – «бульвара»), в начале спуска от Лазаревской улицы к Алуштинскому шоссе.

Был я не один, а с ближайшим другом и соседом Бобой (будет далее и о нем). Надоело нам лежать в тени, а так как в доме никого не было, – бросили на пороге ковер и пустились в путь. Прошло все успешно, если не считать последующих выговоров. Было нам по четыре года.

Другое «событие», частично запомнившееся по последующему рассказу мамы, это поход в кондитерскую. Этот небольшой магазинчик находился на той же стороне и в том же квартале Пушкинской улицы, что и наш дом. Поэтому переходить улицу не требовалось, но гордился я этим поручением очень, оглядываясь на балкон, с которого за мной наблюдали взрослые домочадцы. А купить я должен был очень вкусное. Это были узкие меренги, наклеенные на полоску бумаги, как патроны в пулеметной ленте. Позднее ничего подобного не встречал.

Третье, относящееся к тому периоду воспоминание, может быть уточнено во времени. Это прохождение кометы Галлея. Вместе с тем же другом, которого в просторечии неблагозвучно все звали Бобиком, мы коптели стекла, а затем с чердака наблюдали это эффектное явление.

Чердак занимал особое место в нашей детской жизни. Под толстым слоем пыли скрывались здесь всякие любопытные вещи, в том числе книги. Среди них особо интересными оказались старые календари, вернее – календарные книги. Чего-чего в них не публиковалось! Несколько позднее я даже вырезал из них поучительные высказывания. Наиболее интересными и многочисленными были цитаты из М... (так и не могу вспомнить фамилию!?).

Примерно в это же время, в 3–4-летнем возрасте, я сделал открытие, которым очень гордился, а именно, самостоятельно установил, что $3 + 3 = 6$. Помогли мне обои, которыми была обклеена полутемная передняя. Однажды, открыв дверь в нашу комнату, на освещенном участке стены, я начал считать квадратики, из которых состоял рисунок этих обоев. Так экспериментально постиг я элементы математики.

Другого рода дело регулярно повторялось в середине февраля. Это были походы с мамой в цветочное Нейфельда, которое находилось в конце Долгоруковской улицы. Цветочное было невелико – состояло из нескольких оранжерей и участков открытого грунта. В это время года цветущие растения были особенно красивы и создавали в оранжереях несколько душноватую атмосферу. Обычно покупали несколько горшочков с гиацинтами, которые довольно долго стояли дома в честь маминого дня рождения (20 февраля).

Частым нашего – моим «со товарищи» – местом для прогулок был городской сад, располагавшийся по левому берегу Салгира. Он разделялся на две части: верхнюю

«культурную» с аккуратными дорожками и клумбами, с памятником Екатерине II, и нижнюю. Верхнюю часть окружали решетки, закрывавшиеся во время вечерних мероприятий. Нижняя часть сада – общедоступная, круто спускалась к реке, густо заросла деревьями и кустами и привлекала для игр в большей степени.

Другим, более красивым, но более удаленным, а потому реже посещаемым местом была поляна на правом берегу Салгира, у старой мельницы. Уголок этот – копия известной мельницы из оперы «Русалка». У узкого быстрого потока не двигающееся деревянное колесо... На поляне густая трава, в которой весной мы собирали букетики фиалок, долго сохранявших свой чарующий аромат.

Четко сохранилась в памяти моей кратковременная (порядка недели) поездка с мамой летом 1913 г. в Балаклаву. Не знаю с чем была связана эта поездка. Датировка же уточняется тем, что, проезжая через Севастополь, я увидел на фоне неба военные корабли, украшенные пестрыми флагами расцветивания в честь 300-летия дома Романовых. Было очень красиво, но еще большая, «полностью естественная» красота ожидала нас впереди. Это красота Балаклавской бухты – озеро воды среди обрывов гор с узким проходом между «Сцилой и Харибдой», с тонкой полоской берега и невысокими домиками на ней. Привез нас сюда маленький вагончик трамвая с колесиком, скользящим вверху по проводу, весело бегущий среди виноградников.

Через много лет, в 1931 г., являясь начальником Балаклавской стратиграфической партии Геологического комитета, бывал здесь неоднократно. Приходил теперь с востока по горам, по тропке, извиравшейся в верхней части высокого обрыва. Перед самой Балаклавой он сложен плохосцементированными конгломератами и ширина тропы (этого «овринга») немного превышала местами длину стопы. Тропа эта выводила к площадке над Балаклавой, где сохранились в то время блиндажи и окопы первой мировой войны, где был источник с греческим названием «Кефало-Вриси» (по принятой ныне транскрипции – Цефало-). Видимо, он давал начало водотоку (водоводу).

Упоминание царствовавшего дома навело на связанные с ним воспоминания, как довелось мне (быть может в тот же 1913 г. ?) видеть проезд Николая II через Симферополь на Южный берег и обратно. В первом случае он ехал с вокзала по довольно узкой Екатерининской улице (позднее К. Маркса). Я стоял на правой ее стороне у небольшого игрушечного магазина вблизи переулка Серова. Сидел Николай в открытой машине и в момент, когда он проезжал мимо, к нему бросился мужчина, сжимая в вытянутой руке узкий белый предмет, видимо, пытаясь вручить какое-то прошение.

На обратном пути кортеж следовал по ул. Александра Невского. Я находился на низком балконе квартиры управляющего конторой Азовско-Донского банка (Каменко), опять на углу переулка Серова. Машина двигалась между шеренгами плотных рядов, стоящих перпендикулярно к движению всадников. Разглядеть лицо царя я, конечно, не мог.

Каждое лето меня увозили из пыльного, душного города к морю. Обычно это была Евпатория, но один раз провели лето в Алуште, в так называемом Профессорском Городке, у подножья горы Кафель. Переезды осуществлялись лошадьми, так как железнодорожная ветка в Евпаторию от станции Сарабуз была сооружена позднее. Ехали долго, нудно, с остановками, подкрепляясь продававшейся у шоссе «шпонкой», т. е. вареными початками кукурузы. С солью, а тем более с маслом это была отличная закуска.

В Евпатории, известном детском курорте, знаменитом своим песчаным пляжем, образованным мелко дробленными раковинами, жили на самой окраине, на так называемой Учительской даче. В этой части города улицы назывались продольными и поперечными линиями и не имели собственных наименований, обозначались порядковыми номерами. Дача стояла у самого пляжа на последней поперечной, где трамвай сворачивал к Майнакскому озеру, к известной грязелечебнице.

Учительская дача состояла из нескольких, ориентированных параллельно морю, корпусов. В каждом ряд комнат, выходящих на открытую террасу, с которой можно было видеть находящихся на пляже немногочисленных детей. Других отдыхающих в этой части пляжа обычно и совсем не было. Дно моря, также песчаное, очень пологое, глубина незначительна, так что никаких опасений не было. Мы купались, играли, собирали раковины, строили из мокрого песка башни и крепости. Прямо с террасы мама звала перекусить или обедать. Запомнились пирожки с вишнями, которые у ворот дачи продавала девочка, дочь сторожа.

Жизнь протекала тихо и спокойно. Изредка, если собиралась компания, катались с взрослыми на лодке под косым парусом. Однажды, однако, повздорили с Витей, внуком хозяйки квартиры, где мы жили в городе (Симферополе. – В. П.), который как-то был с нами в Евпатории. Разозлившись, он ударил меня по голове тарелкой, но я не пострадал благодаря войлочной шляпе.

Необычным событием лета 1912 г., как следует из сопоставления различных фактов, явилось появление вблизи Евпатории одного из двух немецких крейсеров, проникших в Черное море. Не помню которого, Гебен или Бреслау. Немецкие офицеры съезжали на берег и приглашали посетить их корабль.

Последние мои воспоминания, завершающие раннее детство, связаны с оккупацией Крыма, а следовательно, с пребыванием в Симферополе немецких войск. Отчетливо помню, как 24 апреля 1918 г.⁶ мы стояли на балконе, когда со стороны вокзала под музыку вышел небольшой отряд с желто-голубым знаменем и остановился у гостиницы «Петербургской», находившейся напротив нашего дома, где помещалась военная комендатура. Бросались в глаза пестрые одеяния – шаровары, часто длинные усы, в целом маскарадный облик. Вскоре со стороны вокзала, с Екатерининской (позднее улица Карла Маркса) появились ряды немецких солдат. Пребывание их в Крыму продолжалось около 200 дней.

Знание немецкого языка позволяло мне осуществлять некоторые обменные операции. Так, я выменял старое зеркало, сделанное в форме скрипки, на буханку хлеба. Однажды на улице, у здания Коммерческого училища, немецкий солдат попросил поддержать пару лошадей. Продав долго, я решился завести их во двор и попросил забрать их у меня.

Покинули город немецкие войска быстро и внезапно, видимо (?), в связи с революцией – свержением Вильгельма II (ноябрь 1918 г.).

Уместно будет теперь рассказать о месте нашего обитания, где жила до 1913 г. наша небольшая семья – мать, отец и я. Указанная дата уточнена благодаря тому, что следующее – последнее место проживания наше в Симферополе – это квартира, в которой еще в начале первой мировой войны находилось Воинское присутствие (Александроневского, д. 8). Помню скапливающиеся здесь толпы мужчин.

Итак, угол Пушкинской и Александроневского, второй этаж, потолки на высоте ~ 5 метров. Вход с улицы Александроневского, широкая, довольно пологая лестница из двух маршей. На верхней площадке три двери. К нам направо – передняя, упоминавшаяся ранее. Из нее дверь налево в нашу комнату, а направо в основную часть квартиры – (к хозяевам) в широкий коридор, где можно было кататься на детском велосипеде. Наша комната казалась мне очень большой и высокой, окно выходило на Пушкинскую. По позднейшим, взрослым впечатлениям, площадь комнаты – порядка 30–35 м. (Заходил в 60-х годах, там находилось какое-то учреждение.)

В основной части квартиры жили домовладелица и ее два взрослых сына. Мы жили

⁶ Дата уточнена благодаря очерку «Симферополь». Крымиздат, 1961, с. 90.

одной семьей – питались сообща. Как, на какой основе было это единение, не знаю и уже не узнаю.

Владелицу дома звали Прасковья Абрамовна. Была она небольшого роста, седая подвижная старушка. Как я узнал теперь только из очерка в Путеводителе по Симферополю, изданному к его 200-летию⁷, Прасковья Абрамовна являлась вдовой владельца первой (по времени – 1884 г.) в Таврической губернии меняльной конторы, Макса Самойловича Розенштейна. Он же построил два дома по ул. Александра Невского № 2 и № 4.

Старший сын их Алеша, тогда уже в годах, нигде не работал. Ночами играл в карты, поэтому большую часть дня отсыпался в своей темной комнате, изредка появляясь к обеду. Прасковья Абрамовна говорила: «Ох, эта несчастная». А когда ее спрашивали, кто несчастная, отвечала: «Его будущая жена». Хотя таковая и не появилась.

Второй сын – Александр (появился в Симферополе около 1914 г. – *В. П.*) был полным, подвижным человеком, отличался общительностью, жизнерадостностью, веселым характером, создавал вокруг себя радостную атмосферу. После обучения (на врача. – *В. П.*), вместе с женой, также врачом, Марией Константиновной, некоторое время работали недалеко от города, вблизи железнодорожного разъезда Курман-Кемельчи в сельской больнице. Как-то летом мы с сыном их Витей некоторое время провели там. В памяти сохранилось незабываемое зрелище – бесконечные колосющиеся уже пожелтевшие хлебные поля, а особенно ощущение мчавшейся между ними как ветер тачанки с парой «экономических», крупных коней.

Вскоре Александр с семьей переселились в город и разместились в соседней с нами квартире. Обставили ее выписанной из Германии мебелью. Через год-два Александр погиб. Купался в море во время сильного волнения, стал тонуть. Ему бросили доску, которая попала ему в голову... и конец. Был у него сын, которого звали Витей. Мы дружили, но не в такой степени, как с Бобой. Летом 1913 г. мы жили вместе (с Витей. – *В. П.*) в Евпатории на Учительской даче. Был Витя нервным, вздорным, неуживчивым мальчиком. В начале трудных, беспокойных лет (около 1920 г.) он с матерью уехали за рубеж. Дальнейшая судьба их мне не известна.

Долгие годы «членом семьи» была домработница, она же кухарка, а для меня няня, по имени Ксения.

До того, как в соседней квартире поселился д-р Розенштейн, в ней жила семья упоминавшегося мною выше Бориса Телешевского (Боба). Это были его отец Ефим Маркович, по профессии зубной врач, мать его (Боба. – *В. П.*) Вера Григорьевна и две старших сестры – Эсфирь и Ида. Последняя вышла замуж за Мирона Ярошинского, и они вскоре уехали за границу. Вера Григорьевна и Эсфирь жили последнее время в Харькове, где и погибли при немецкой оккупации во время ВОВ.

Что касается Боба, то он получил высшее техническое образование, где не знаю. Встретились мы позднее, в 1937 г., когда по пути из Крыма, с полевых работ, на XVII сессию МГК (Международный геологический конгресс. – *В. П.*), я остановился у него в Запорожье. Работал он главным энергетиком незадолго до того построенного грандиозного завода. На машине он провез меня по заводу и через Хортицу, на правый берег Днепра, по гребню плотины. Познакомился с его женой Златой Александровной. Позднее мы виделись уже в Москве. Навещал их раза 2–3 во время командировок. Последний раз в 1984 г. во время XXVII сессии МГК. Боб уже не работал.

Итак, воспоминания мои о раннем детстве исчерпаны. Осенью 1914 г. я поступил в среднюю школу, Симферопольское реальное училище им. Николая II, которое довольно скоро стало 4-й советской школой второй ступени. Но почему именно туда? Ведь в го-

⁷ Симферополь. Изд-во «Таврия», 1983, с. 102.

роде было еще несколько средних учебных заведений. Помимо мужской казенной гимназии, были частные гимназии Волошенко и Свишева, было коммерческое училище. (Так же как помимо женской казенной гимназии, были школы Оливер и Швейценгер.) Ответ на поставленный вопрос для меня не прост и не совсем ясен. Видимо, сказались разные обстоятельства. Во-первых, преподавательский состав в частных школах был более квалифицирован, программы более современные, но было обязательное изучение так называемых «мертвых языков», преподавалось рисование, в большом объеме естественные науки.

Непосредственно к рассмотренному этапу моей жизни примыкает еще одно событие, о котором хочется рассказать. Это было вскоре после поступления в школу.

В связи с большой засухой и неурожаем 1921 г. в Крыму наступил сильнейший голод. Хотя отец все время работал и нашу семью нельзя было отнести к необеспеченным, это стихийное бедствие коснулось в полной мере и нас. Голод сопровождался эпидемиями холеры и тифа. Погиб мой первый друг по первому классу по фамилии Финкельштейн, и с ним не вернулась ко мне прекрасная книга «Питер Мориц молодой бур из Трансвааля».

Что касается меня, то отец с несколькими сослуживцами отправили своих детей в дер. Алсу на Черной речке (недалеко от известной горы Гасфарта). Здесь условия оказались антисанитарными, но запомнились греческие слова – приветствия: калимера и калиспера (доброе утро, добрый вечер). Вскоре перевезли нас в район Джанкоя, где прожили мы благополучно до осени.

И далее

А дальше следовало бы перейти к годам обучения, вначале – среднего (1917–1922), а затем высшего (1923–1939), сначала в Симферополе (до 1924), а затем в Петрограде–Ленинграде (1924–1929).

В 1923 г., после окончания семилетней школы (Реального училища) и за год – двухлетнего Общеобразовательного техникума⁸, я поступил в Крымский университет, который вскоре был ликвидирован с переводом учащихся в Петроградский, а частично – в Казанский университеты.

Эти школьные и университетские годы не богаты воспоминаниями, которые сосредоточены на летних месяцах, на времени полевых практик и полевых работ. Остальные «сезоны» этих лет проходили в одних и тех же делах и заботах, среди одних и тех же людей.

Вот лето 1925 г., первое лето университетской практики. Я проходил ее в составе небольшой группы в Крыму, в Гурзуфе. Жили мы на базе недавно организованного Российского общества по изучению Крыма (РОПИК), которая располагалась в бывшей даче Дерюжинского, на правом берегу Аvenues, довольно высоко над морем, недалеко от Южнобережного шоссе, вблизи Ай-Данильских виноградников. На этой даче могли отдыхать и работать специалисты, изучавшие Крым.

Заведовал этой базой тогда (в 1925–1926 гг.) доцент нашего университета Владимир Федорович Пчелинцев, который жил здесь со своей с трудом передвигавшейся женой Эльзой Федоровной. Это позволило ему заниматься с нашей группой, а нам обеспечивало кров. В состав нашей группы входили: Кузьма Петрович Пирогов и четыре девушки: Таня Мордвилко, Оля Грачева, Нина Лобашова и Галя Петрова – так называемый ТОНГ. Из молодежи жили здесь еще двое студентов астрономов – Воронцов-

⁸ Общеобразовательный техникум просуществовал недолго, для желающих пройти курс 8-го и 9-го классов, имевшихся ранее.

Вельяминов и Николаевич (...?). Кузьма Петрович был в летах. В войну 1914–1918 г. он был произведен в прапорщики. Когда он учился на первом курсе, его сын учился на первом курсе Военно-Медицинской Академии. По окончании Университета К. П. (Пирогов. – В. П.) работал в области гидрогеологии.

Практика (работа) наша заключалась в изучении верхнеюрского разреза карбонатной толщи, слагающей верхнюю часть Первой гряды Крымских гор, так называемой Яйлы. В верховьях Авениды это известняки, часто мергелистые, содержащие многочисленные остатки брюхоногих (гастропод), изучением которых в те годы интенсивно занимался В. Ф. (Пчелинцев. – В. П.). Условия нашей работы были довольно своеобразны. Большую часть времени (по 10–15) дней жили мы на базе в культурной обстановке, ходили к морю, отдыхали. А затем, дней по пять, жили наверху, на Яйле. Обитали в пещере, находившейся восточнее Авениды в известняках. Эта пещера использовалась для сохранения летом льда, зимою она плотно забивалась снегом, перекрывавшимся соломой. В те годы этого не было, но сохранился толстый слой соломы, использовавшийся нами как подстилка для ночлега.

Вблизи пещеры пробивался небольшой родничок, позволявший каждому получить кружку воды для умывания. Питались продуктами, приносившимися с собой вместе со спальными принадлежностями. У меня был какой-то тулупчик, так что груз получался солидный. Однажды при небольшом спуске он надавил мне на голову и заставил перевернуться. Место это называли «горкой Крымгольца». Она не была видна снизу. Ее можно было видеть только с моря, с катера, циркулировавшего между прибрежными поселками от Алушты до Симеиза. Роль этого катера тогда и еще довольно долго выполняла бывшая итальянская миноноска, соответствующим образом переоборудованная. Труды наши в 1925 г. оказались мало эффективными. Плохо разобравшись в топографической карте, в поисках места, где в мергелистых известняках было много остатков фауны (мы его не нашли. – В. П.), и почти ничего не собрали.

На следующий (1926) год наша практика повторилась. Отсутствовал К. П. Пирогов, но добавились М. Л. Лурье, Г. П. Синягин и О. Л. Эйно. Методика изменилась. Подъемы были однодневными, но более продуктивными. М. Л. Лурье жила в Гурзуфе и в 1925 г. вместе с родителями и примыкала «внизу» к нашей компании. Несмотря на такое длительное знакомство, мы с ней сохранили обращение на «Вы», хотя с другими быстро переходили «на ты». Вероятно, с большим почтением и уважением. В 1925 г. мы с нею часто встречались у одного из многих фонтанов в парке – у фонтана «Рахиль».

В 1926 г. вся наша группа участвовала в экскурсии в Козьмодиановский монастырь, находящийся в верховьях р. Альмы. Организовал ее проф. геоморфологии Домбровский (?), участвовал также Д. Щербаков, будущий академик.

Вблизи монастыря находится постройка бывшей царской охоты. А в монастыре находится колодезь с весьма (предельно плотной) холодной водой (+4).

Путь наш в обоих направлениях проходил по так называемому Романовскому шоссе. Оно было сооружено пленными австрийцами во время войны 1914–1918 гг. Шоссе начиналось от Массандры (в Ялте) и заканчивалось в упомянутом монастыре. У так называемого Гурзуфского седла к нему присоединялось шоссе, начинавшееся у Гурзуфа от Южнобережного шоссе. Пользуясь хорошо знакомыми тропинками, подъем осуществлялся быстро. Путь на северном склоне лежит среди букового леса, дающего плотную тень.

В 1925 г., после Гурзуфской практики, я имел возможность участвовать в поездке моего старшего друга и учителя Бориса Александровича Федоровича в среднюю по течению часть р. Альмы. Здесь уже в это время готовился проект водохранилища, осуществленный значительно позднее. Мы прожили здесь несколько дней в небольшой дере-

вушке, отмеченной на прекрасной Крымской одноверстке буквой «ч» и цифрой, отмечавшей число проживавших здесь чехов. Последних уже не было (как многонационален был Крым!).

Копию составленной нами карты участка второй Крымской гряды я использовал затем для отчета по летней практике. Рассмотрев эту карту, наш профессор Павел Александрович Православлев усомнился, что она составлена мною на месте, а не построена по топооснове. Участок этот впоследствии был использован для студенческой практики по съемке (геологической. – *В. П.*) после второго курса (студентов геологического факультета Ленинградского университета. – *В. П.*).

Продолжать фиксировать свои воспоминания с такою же детальностью, как это сделано выше для первых 20 лет своей жизни, я не имею возможности. Ни времени, ни интереса для потенциальных читателей. Основные вехи, основные даты зафиксированы в автобиографических документах. Скажу лишь, что никогда мне не приходилось пребывать без дела. Разве что находясь в больнице. А такие случаи были, да и то лишь после 70 лет.

Поэтому в дальнейшем изложении своих воспоминаний остановлюсь лишь на отдельных эпизодах, почему-либо запомнившихся, сохраняя последовательность их во времени.

Лето 1927 г. я впервые провел вне Крыма, в самой западной части Кавказа. Возглавлял наш небольшой отряд (партию) Владимир Федорович Пчелинцев, коллекторами были Григорий Петрович Синягин и я. Задача – уточнить соотношение отдельных известняковых массивов в пределах самого западного из тех пересечений, по которым осуществлялось планомерное изучение (геологии. – *В. П.*) Кавказа.

В северной части района (Пшеха, Пшиш) для перемещения лагеря использовалась однокодная телега, на которой свободно размещалось все хозяйство (до использования в подобных целях автотранспорта было еще далеко).

Один из таких лагерей был расположен на берегу показавшегося нам небольшим ручья. Ночью начался дождь, который мы спокойно пережидали, сидя в палатке. Однако возчик наш выглянул из палатки и тут же вернулся с криком: «Топор, где топор!». Оказалось, что за короткий срок наш ручеек превратился в бурную реку, уровень которой, как говорится, рос на глазах, а топор понадобился для того, чтобы перерубить ремень, которым была привязана лошадь и который невозможно было развязать. Устраивая лагерь, мы «горе-геологи» не обратили внимания, что расположились на низкой узкой террасе. Очень быстро вода залила наш лагерь и достигла поверхности кроватей. Пришлось разбирать наш лагерь и спастись в ближайшем селении.

Основная наша база, где находилась Эльза Федоровна, располагалась у северной окраины Туапсе, у горы Паук. Сюда мы часто возвращались, когда маршруты находились в приморской части района, примерно до Лазаревской.

Однажды в Туапсе, зайдя в столовую, мы были поражены, увидев в меню «борщ по симферопольски». Это оказалось реакцией на произошедшее накануне в Крыму землетрясение. Интересная реакция!

Летний полевой сезон 1928 г. я вновь провел в Крыму, работая в составе партии, изучавшей оползневые явления, принявшие катастрофические масштабы. Причиной явилась запущенность водного хозяйства в годы гражданской войны.

При этом одно время мы базировались в районе Гурзуфа и однажды, в выходной день, я решил «прогуляться» – навестить в Ялте знакомую по геологическому кабинету Крымского университета Ирину Дидерихс, жившую в Ялте (в Аутке) с отцом, лейб-медиком супруги Николая II. А чтобы проверить свои возможности в ходьбе, выбрал необычный маршрут. Из Гурзуфа поднялся на Гурзуфское седло, затем пошел по Рома-

новскому шоссе до Массандры, а обратно – по Южнобережному шоссе. Этот путь составляет 50–60 км. Устал я основательно. А жажда была такая, что на обратном пути у одного из фонтанов я выпил из ведра столько воды, что уровень ее заметно понизился.

К 1929 г. относится мое первое знакомство со Средней Азией, в частности с Туркменией, с которой у меня связано многое в дальнейшем. Уже в поезде между пассажирами, особенно едущими в первый раз, начались разговоры о грозной «пендинке» – язвочках, возникающих в результате укусов каких-то летающих насекомых. Опасаясь их, приходилось, ложась спать, тщательно закупориваться, что в жаркую ночь весьма мучительно. Нередко спящий человек раскрывался, отчего часто можно было встретить людей со следами язвочек на носу или на руках.

Приехали мы в Ашхабад в первых числах мая, а 1 мая там имело место небольшое землетрясение, связывавшееся на «базарах» с этим революционным праздником. Заметных повреждений не было.

В моем «Трудовом списке по Геологическому комитету» под одной датой – 20 мая 1929 г. – но по разным приказам имеются записи о моем назначении начальником и прорабом Копетдагской партии. Причины этого за давностью лет не восстановить. Фактически «партия» (я, коллектор Л. Д. Кипарисова и старик туркмен, владелец нашего транспорта – ишака и верблюда) работала в Большом Балхане. Затем в центральном Копетдаге к нам присоединился начальник партии – В. Ф. Пчелинцев, а я стал именоваться прорабом. Здесь мы изучали два разреза. Один у подземного озера Коу с горячей, богатой сероводородом (водой. – В. П.), второй вдоль дороги из Ашхабада в Фирюзу.

Владимир Федорович присоединился к нам в самом начале работ в Копетдаге, когда лагерь наш стоял вблизи Коу. Отсюда я отправился встретить его на ближайшей станции железной дороги – Бахарден. Ехал я за спиной верхового попутчика туркмена на крупе его лошади. Довольно скоро, однако, он меня оставил, и я оказался один на один с лошастью, которая, однако, повезла меня куда было надо. Подъезжая к Бахардену, увидел, что поселок расположен на противоположной стороне пути, по которому в этот момент уже двигался поезд. Мои попытки остановиться, ухватиться за какой-то столб, оказались неудачными, и мы перескочили через рельсы под «носом» у паровоза. На обратном пути в лагерь происшествий не было, если не считать неудобства сидеть на дощечке, заменявшей седло.

Моя следующая встреча с лошастью произошла через год, в 1930 г., при поездке на Памир. В городе Ош собралось несколько партий, для которых пригнали лошадей, перед этим свободно зимовавших в горах. Учитывая мою неопытность в верховой езде, мне выбрали самую смирную на вид лошадь. Однако, как только я сел, она понеслась по улицам, выбирая путь. Как-то мне все же удалось направить ее между домом и стоявшей у него повозкой. На другой день весь наш караван двинулся в путь, и скоро наши отношения наладились.

В самом конце 1930 г. я впервые отдыхал «организованно» по путевке, в ноябре был в Сестрорецком курорте. Именно здесь узнал и был поражен тем, что происходит в «мире». В частности, о гибели Ольги Михайловны Кичигиной, жены Бориса Борсука. Она только недавно, года три-четыре, как начала работать в Геолкоме, вернувшись из Харбина. Там ее отец работал на КВЖД, переданной тогда Китаю. В этом (была. – В. П.) ее единственная «вина». Проявила себя как талантливый специалист в области стратиграфии и палеонтологии. Позднее материал, собранный ею и И. Е. Худяевым в Забайкалье, я доработал и опубликовал в 1938 г.

Дополнения

У каждого, кому доведется прочитать мои воспоминания, естественно возникнет во-

прос, как и почему у меня появился интерес к этой, не очень распространенной науке (геологии. – В. П.)? Однозначно ответить на этот вопрос я не могу, однако, и сейчас потому, что здесь сказались ряд обстоятельств, а не какое-либо конкретное событие или факт. Из таких обстоятельств раньше всего назову то, что детство мое прошло в Симферополе, многие особенности которого, например, планировка улиц, обилие выходов коренных пород и др., определены геологической ситуацией. Городские строения расположены на пологом крыле куэсты, бронированном нуммулитовыми известняками. Обилие раковин нуммулитов («монеток») само по себе привлекало внимание детей.

Самым показательным в этом отношении являлся часто посещаемый нами во время прогулок так называемый Макуринский спуск. Он начинался у верхнего конца Лазаревской улицы, у замыкавшего ее дома некоего Макурина и представлял собою вырубленную в известняках неглубокую траншею, по спирали спускавшуюся к Алуштинскому шоссе на берегу Салгира.

В дальнейшем мой интерес к геологии укрепился главным образом благодаря общению с отдельными людьми. Так, преподаватель естествознания в школе был горным инженером (кажется, по фамилии Смирнов), проводивший с нами экскурсии за Собачью балку, на плато Некрополя. Одной из первых подаренных мне книг была «Полевая геология» В. Н. Вебера.

Не чуждался я общения со сверстниками, некоторое время состоял в организации скаутов, но решающую роль имело участие в «Доме будущих граждан». Эта организация являлась предшественницей комсомолу в конце десятых, начале двадцатых годов. В Симферополе она состояла из ряда кружков «по интересам», собиравшихся в своем «Доме будущих граждан» в конце Губернаторской улицы. Некоторое время руководителем естественно-исторического кружка являлся доцент Крымского университета, будущий академик Д. И. Щербаков. В начале 1922 г. он уехал в Петроград, передав руководство нами Б. А. Федоровичу. С отъездом Д. И. (Щербакова. – В. П.) освободилась занимавшаяся им с семьей комната на кафедре геологии и Б. А. (Федорович. – В. П.) привлек нас к разбору и размещению коллекций. Этим завершилось мое приобщение к геологии. Как и еще нескольких человек, в том числе моей будущей жены – В. И. Ступниковой.

Автобиографическая справка

Крымголец Григорий Яковлевич родился в гор. Симферополе 20 января 1907 г. в семье служащего. В 1929 г. окончил геолого-минералогическое отделение физико-математического факультета Ленинградского государственного университета и тогда же начал работать в Геологическом комитете ВСНХ СССР, впоследствии преобразованном во Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт (ВСЕГЕИ). Проработал в этой системе до 1948 г. За это время проводил геологические изыскания – геологическую и гидрогеологическую съемки, тематические исследования в Крыму, на Северном Кавказе, на Памире, в Туркмении, на Дальнем Востоке. Изучал палеонтологический материал, собранный как в этих, так и в других районах страны.

Одновременно с 1932 г. вел преподавание, на котором сосредоточился с 1948 г. В 1937 г. утвержден в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации, а в 1962 г. защитил диссертацию на степень доктора геолого-минералогических наук. В 1965 г. утвержден в ученом звании и должности профессора Ленинградского государственного университета, где и работаю ныне.

Являлся научным руководителем 21 (51. – В. П.) аспиранта, подготовивших диссертации на ученую степень кандидата геолого-минералогических наук.

Изучением геологии Туркменской ССР занимаюсь с 1929 г. По собранным здесь материалам установлен новый род двустворок, названный по имени республики Turkmenia (1936). Редактор и автор двух разделов «Атласа руководящих ископаемых юрских и неокомских отложений Западной Туркмении» (1962). Проводил исследовательские и съемочные геологические работы в Туаркыре, на Большом Балхане, в Копетдаге, на Аму-Дарье (Питнякский район) и в Кугитанге. Эти исследования были отмечены похвальным листом Комитета по делам геологии при СНК СССР (1943 г.) и орденом «Знак Почета» (1944 г.). Кроме того награжден орденом «Трудового Красного Знамени» (1949 г.) и медалями: «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» (1946 г.), «В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970 г.), «XXX лет победы в Великой Отечественной войне» (1975 г.), а также знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 г.» и дважды Министерством геологии и ЦК профсоюза рабочих геологоразведочных работ значком «Отличник разведки недр» (1965 и 1966 гг.).

Помимо региональных съемочных и тематических исследований много внимания и времени уделял обобщающим работам, главным образом по юрским отложениям и фауне юры СССР. Являлся редактором и автором ряда разделов томов «Нижний и средний отдел юрской системы» (1947 г.), «Верхний отдел юрской системы» (1949 г.) в издании «Руководящие формы ископаемой фауны СССР», автором раздела «Наружно-раковинные головоногие моллюски» в издании «Основы палеонтологии» (1958 г.), редактором и автором ряда очерков раздела «Юрская система» в изданиях «Геологическое строение СССР. Т. 1. Стратиграфия» (1958, 1968 гг.), редактором и автором ряда очерков раздела «Юрская система» в издании «Геология СССР. Т. XXII. Туркменская ССР» (1957 и 1972 гг.), редактором и соавтором раздела «Юрский период» издания «Атлас литолого-палеогеографических карт СССР» (карты – 1968 г., текст – 1972 г.), редактором и автором ряда разделов тома «Юрская система» в издании «Стратиграфия СССР» (1972 г.). Опубликовал два пособия, рассчитанных на студентов и начинающих специалистов по сбору и обработке палеонтологических материалов (1954 г.) и методике определения мезозойских головоногих (1960 г.). Первое издание в переводе в Варшаве (1963 г.). Всего опубликовано 102 работы, из них 6 – палеонтологических монографий.

Член КПСС с 1945 г.; принят в кандидаты ВКП(б) в 1943 г. в Ашхабаде. Неоднократно избирался в состав партийных бюро по месту работы, во ВСЕГЕИ, а затем на геологическом факультете Ленинградского государственного университета.

Научно-организационная и научно-общественная деятельность. В настоящее время являюсь председателем комиссии по юре СССР Межведомственного стратиграфического комитета, членом юрской подкомиссии Международного союза геологических наук, членом Совета Всесоюзного палеонтологического общества, членом правления Ленинградского общества естествоиспытателей, членом Научного совета АН СССР по проблеме «Пути и закономерности исторического развития животных и растительных организмов».

Принимал участие в XXII (Дели) и XXIII (Прага) сессиях Международного геологического конгресса. Представлял советских специалистов на международных симпозиумах, связанных с изучением юрских отложений, в Болгарии (1965 г.), в Англии (1966 г.), во Франции, Бельгии и Люксембурге (1967), в СССР (1967), в Венгрии (1969), во Франции и Швейцарии (1973).